

Категории готического и неоготического в малой прозе Иэна Макьюэна (на примере сборника «Меж сбитых простыней»)

О. Ю. Поляков¹, В. А. Малых²

¹доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-9362-7720. ResearcherID: X-9101-2018. E-mail: usr09131@vyatsu.ru

²младший научный сотрудник кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, магистрант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения,

Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: stud142677@vyatsu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу сборника рассказов современного английского писателя Иэна Макьюэна «Меж сбитых простыней», который рассматривается в аспекте реализации устойчивых готических и неоготических жанрово-стилевых признаков на разных уровнях поэтики произведений: в сюжетно-мотивном плане, построении текстов, образной системе рассказов, их пространственно-временной организации.

Авторы делают вывод о том, что константы готического канона, актуализируемые в рассказах Макьюэна, изменяются в функциональном аспекте: в частности, ужасные события представлены подчеркнуто осуществимыми и обыденными; изображение девиантных проявлений психики героев способствует усилению акцента на проблемах современного автору социума; конфликт добра и зла завершается торжеством, хотя и не безоговорочным, последнего; художественное пространство рассказов таит в себе угрозу для героев и наделено реально-ирреальными чертами; художественное время утрачивает линейный характер и становится хаотичным; писательская ирония приобретает философское звучание, распространяясь на онтологический уровень рассказов сборника.

Авторы статьи дополняют современную характеристику неоготического, выдвигая тезис о том, что в его основе – категория безобразного. В то время как в готических текстах возвышенное реализуется через ужасное, в произведениях неоготиков категория безобразного реализуется через патологичное, нашедшее воплощение, в частности, в произведениях И. Макьюэна.

Неоготические особенности рассказов И. Макьюэна (жестокое, безобразное, макабрическое, представленные в ходе эмоционально-бесстрастного авторского повествования; удвоение функций таких приемов, как пародия и гротеск) дают возможность говорить о том, что идейную основу сборника «Меж сбитых простыней» характеризует глубокий пессимизм, который в первую очередь связан с духовной и физической дезинтеграцией личности и, как следствие, абсолютным распадом и разрушением мира.

Ключевые слова: И. Макьюэн, готическое, неоготическое, художественное пространство и время, мотив.

В российском и англоязычном литературоведении последних десятилетий первостепенное внимание уделяется романному наследию И. Макьюэна [11; 14; 19], в то время как его рассказы анализируются, как правило, в аспекте их влияния на романную прозу писателя, либо их интерпретация включается в состав сборников научных трудов, посвященных творчеству Макьюэна в целом. В монографии Д. Малколма [17] представлен достаточно краткий анализ сборников «Первая любовь, последнее помазание» и «Меж сбитых простыней», в ходе которого определяются сюжетные, нарративные, характерологические, лингвистические особенности рассказов Макьюэна. Сборник критических статей «Творчество И. Макьюэна» под редакцией П. Чайлдса [16] освещает восприятие в современной англистике психосексуальных аспектов малой прозы писателя. Коллективный труд «Иэн Макьюэн: современные критические перспективы» [13] содержит статью Д. Бакстер о проявлении сюрреалистической поэтики в сборниках «Первая любовь, последнее помазание» и «Меж сбитых простыней».

В последнее время расширяются контексты и способы анализа произведений Макьюэна, которые включают рассмотрение его прозы с позиций гендерологии, теории травмы, а также большое внимание уделяется отражению в прозе английского автора социальных реалий 1970-х гг., ставших временем национального духовного кризиса [20]. В числе недавних работ, освещающих рассказы Макьюэна, можно отметить справочное издание Кембриджского университета [15], в первой главе которого кратко рассматриваются сборники «Первая любовь, последнее помазание» и «Меж сбитых простыней». В отечественном литературоведении рассказы Макьюэна исследованы эпизодически, преимущественно в проблемно-мотивном аспекте, в ряде небольших статей (М. Н. Глушкова, А. В. Кочергина) [2; 4] и разделе кандидатской диссертации О. В. Дорониной, посвященном дебютному сборнику писателя «Первая любовь, последнее помазание» [3]. Как видно из приведенного обзора, собственно готические и неоготические аспекты рассказов Макьюэна, в частности, составляющих сборник «Меж сбитых простыней», в англоязычной и российской науке практически не затрагиваются, что обуславливает необходимость обращения к данной проблеме.

В то время как готический канон достаточно полно рассмотрен отечественными литературоведами (устойчивые маркеры готического текста включают мотив тайны, атмосферу гнетущего ожидания, изображение темных сторон человеческой души, сверхъестественных событий, воплощение конфликта добра и зла, традиционные пространственные топосы и другое), неоготическое как категория и специфика его реализации в художественных произведениях требуют дополнительной разработки.

Среди российских ученых нет единого мнения относительно хронологических рамок неоготической литературы. Так, О. Е. Осовский рассматривает термин «неоготика» в качестве «условного неустойчивого наименования совокупности литературно-эстетических явлений в Западной Европе и США конца XIX–XX вв., связанных с художественным переосмыслением и обновлением европейской готической традиции, в частности, готического романа конца XVIII – первой половины XIX в.» [5, с. 636]. А. А. Пушкина еще больше раздвигает временные границы неоготической литературы – с рубежа XVIII–XIX вв. до конца XX в. [9, с. 327]. О. В. Разумовская полагает, что это понятие более уместно применять к произведениям XX в. с «ярко выраженным готическим антуражем» [10, с. 52]. В англоязычном литературоведении чаще всего оперируют понятием неоготического в связи с постмодернистской ситуацией (в частности, используется термин «метаготика», закрепляющий особый статус готического в метапрозе). К неоготической литературе относят некоторые произведения Д. дю Морье [11, с. 15], А. Мердок, Д. Фаулза [6, с. 13]. Среди английских писателей-неоготиков называют М. Л. Пика, А. Картер, Г. Джойса, И. Макьюэна, П. Акройда, М. Эмиса.

Т. Н. Красавченко выделяет следующие особенности неоготической литературы: «описание деградации, распада мира <...>, разрушение и саморазрушение личности», «симбиоз готики, гротеска, фантастики, пародии» [5, с. 186]. В ней, по наблюдениям П. Макграта и С. Брума, нередко изображается одержимый идеей зла главный герой [см.: 8, с. 96]. Неоготику представляют также как своеобразный постмодернистский пастиш, в котором обыгрываются готические штампы [6, с. 146; 11, с. 15].

Как известно, готическое ассоциируется с возвышенным, источником которого является ужасное. Можно предположить, что неоготическое, в свою очередь, имеет некий категориальный базис, который можно описать в рамках эстетических понятий. В качестве такой основы, очевидно, может выступать безобразное, которое, так же как и возвышенное, может находить выражение через ужасное. Безобразное как категория эстетики, которая обозначает «нечто отталкивающее, вызывающее неудовольствие вследствие дисгармоничности, несообразности, неупорядоченности, и отражает невозможность или отсутствие совершенства» [1], в неоготической литературе воплощается через патологичное, что получило яркое воплощение в произведениях И. Макьюэна.

Его сборник «Меж сбитых простыней» развивает «намеченную в первом сборнике линию деморализации» [4, с. 101], однако при этом в нем больший акцент делается не столько на различных формах насилия, сколько на девиантных или даже, по словам Э. Маундера, «бредовых» проявлениях человеческой натуры [18, р. 280].

Так, в рассказе «Порнография» повествуется о продавце магазина порноизданий Майкле О'Бирне, который одновременно встречается с Паулиной, стажировавшейся сиделкой, и медсестрой Люси. Он заражает любовниц венерической болезнью, и одна из встреч с ними становится актом мести, в ходе которого Паулина и Люси оскоряют главного героя.

В «Раздумьях обезьяны-альфонса» от лица примата излагается развитие его отношений с Салли Кли, страдающей от творческой стагнации писательницы одного романа: от статуса любовников до «изгнания» рассказчика, состояния взаимного недоверия и отсутствия диалога.

В новелле «Два фрагмента: Март 199...» показаны два дня из жизни тридцатилетнего отца-одиночки Генри в условиях постапокалиптического Лондона.

Новелла «Кончить разом и умереть» – это своеобразное воспоминание-исповедь одного из богатейших людей Лондона, влюбившегося в женский манекен, который воспринимается героем как реальная женщина. Рассказчик описывает историю своих отношений: от любовной идиллии до убийства «любимой» на почве ревности и долгой ссоры.

Новелла «Меж сбитых простыней» посвящена взаимоотношениям Стивена Кука с дочерью в условиях давно распавшегося брака.

В новелле «Туда-сюда» причудливым образом параллельно друг другу разворачиваются события рабочего дня в офисе, где рассказчик вынужден взаимодействовать с коллегой, и представляется зарисовка спящей ночью женщины, за которой повествователь наблюдает.

В «Психополисе» рассказчик повествует о своем пребывании в Лос-Анджелесе, о знакомстве с городом и его жителями, о своих впечатлениях от города и тех эксцентричных событиях, которые происходили с ним в этом «городе психопатов».

Перечисленные произведения мы рассмотрим сначала в разрезе поэтики готического, а затем выделим в них черты неоготики.

Одним из признаков готического текста является изображение сверхъестественного, ужасного или невероятного события. Так, в рассказе «Порнография» повествуется о кастрации главного героя, ставшей актом женской мести; в «Раздумьях обезьяны-альфонса» – о совокуплениях героини с обезьяной; в произведении «Два фрагмента: март 199...» изображена жестокая сцена, в которой один из героев заставляет свою дочь проткнуть саблей живот; рассказ «Кончить разом и умереть» живописует сцены секса повествователя с кузиной и манекеном. В некоторых произведениях сборника, например, в «Психополисе», рассматриваемый нами признак находится на периферии повествования (протагонист лишь упоминает о том, как свел счеты с жизнью его приятель). В рассказе «Два фрагмента: март 199...» об ужасных событиях не говорится прямо: о произошедшей катастрофе свидетельствуют «остовы зажаренных собак и кошек» [7, с. 23], а также называются только последствия этой катастрофы, которая привела общество в доиндустриальное состояние.

Как и в классических готических текстах, в рассказах И. Макьюэна изображается темная сторона человеческой натуры: их персонажи одержимы пороками, низменными желаниями, погружены в мир гротескной телесности, часто проявляемой в скатологическом аспекте. Герои многих рассказов второго сборника («Меж сбитых простыней», «Раздумья обезьяны-альфонса», «Порнография», «Кончить разом и умереть») склонны к самым разнообразным парафилиям: уролангии, педофилии, зоофилии, садомазохизму, агальматофилии. Кроме того, практически в каждом рассказе либо напрямую (через определенные действия), либо же посредством намеков (с помощью жестов, психологического состояния или интонации) герои транслируют свою жестокость и агрессию.

Надо отметить, что не всегда изображаемые И. Макьюэном в сборнике «Меж сбитых простыней» проявления темных сторон личности выражаются внешне, явно. Они могут и не получать в тексте непосредственной экспликации, а их распознавание в этом случае затруднено (например, в рассказе «Два фрагмента: март 199...» заботливый и любящий свою маленькую дочь Генри испытывает любопытство к жестокому, варварскому зрелищу), но эти проявления тьмы в человеке присутствуют всегда, они не только не исчезают бесследно, но и периодически дают о себе знать, обнаруживают себя. Рассказ «Психополис» в этом плане является ключевым. Уже одно его название само по себе негласно является как бы обобщенной характеристикой основного места действия, города, где живут герои: «*Это город психопатов, полных психопатов*» [7, с. 59]. Однако «Психополис» – это также очень точная характеристика самих героев данного рассказа (и, что еще важнее, героев малой прозы И. Макьюэна вообще, как справедливо отмечала А. В. Кочергина [17, с. 102]). Сами по себе герои «Психополиса» являются рассудительными, спокойными людьми и даже имеют некоторые достоинства: Мэри, владелица магазина феминистской литературы, свойственна «мягкость манер», «опасно красивым» и хорошим представлен Теренс, Джордж показан как гостеприимный хозяин дома, занимающийся воспитанием своих детей, а сам рассказчик любит играть на флейте. Таковы герои поодиночке, но их приятельская встреча (в гостях у Джорджа) выливается в бесконеч-

ный спор, острый конфликт (*«Мэри хватала за рукав Джорджа, который осатанело тыкал пальцем в сторону Теренса. На полу валялась пустая бутылка, кто-то опрокинул ведро со льдом. Впервые в жизни я рвался высказать свое мнение о христианстве, насилии, Америке и прочем, требуя внимания, пока не потерял мысль»* [7, с. 67]), который способна успокоить и вернуть героям психологическое равновесие только демонстрация приведенного в боевую готовность оружия (*«Оружие всех успокоило, в его присутствии мы уже не кричали»* [7, с. 68]).

Дихотомия зла и добра, традиционно реализующаяся в готической литературе, тесно связана с мотивом тьмы. В сборнике этот признак дополняется использованием еще одного мотива, характерного готическим текстам, – мотива обаятельного, чарующего своей красотой зла: как Амбросио, один из главных героев романа М. Г. Льюиса «Монах», очарован красотой явившегося ему серафима, за образом которого скрывается Люцифер; или как в повести Ж. Казота «Влюбленный дьявол» Альвар постепенно влюбляется в Бьондетту, хоть и знает, что под обликом красивой девушки скрывается сам дьявол, так и Майкл О'Бирн очарован привлекательностью Люси (*«Люси казалась иной. Никогда еще она не была так хороша <...> она смеялась и лишила его воли <...> приводила его на грань безумия»* – «Порнография» [7, с. 10–11]), которая, планируя отомстить герою, без труда лишает его возможности двигаться, после чего вместе с Паулиной готовит хирургические инструменты для осклопления Майкла. Также указанный мотив проявляется и в рассказе «Кончить разом и умереть», где красота женского манекена сводит рассказчика с ума, и в образе «опасно красивого» Теренса из рассказа «Психополис».

Однако во втором сборнике зло уже не может быть охарактеризовано как абсолютное, и его позиции не являются безоговорочными, так как герои способны проявлять добродетель. Например, Паулина и Люси работают в сфере медицины и лечат больных («Порнография»); Стивен проявляет отцовскую любовь к Миранде («Меж сбитых простыней»); обезьяна-рассказчик заботится о Салли Кли, несмотря на то, что их любовные отношения ухудшаются с каждым днем.

Важно отметить и то, что некоторые герои рассказов второго сборника пытаются победить или подавить темные стороны своей личности. При этом решающим является сам способ борьбы: Майкл, например, идет путем самообмана, он отказывается принимать и признавать свою подверженность девиациям сексуального характера (*«Ему претила жуткая мысль о подневольном наслаждении», «она стала уговаривать примерить ее белье. О'Бирн отбивался, ужасаясь своему возбуждению. «Твоя беда в том, что ты боишься собственных радостей», – сказала Люси»* [7, с. 9]), из-за чего и проигрывает эту борьбу. А главный герой рассказа «Меж сбитых простыней» выбирает другой способ борьбы. Он анализирует свои эмоции, тайные желания и чувства (*«Стивен расцепил дочкино объятие и <...> поспешил в кабинет, где плюхнулся в кресло, в ужасе и ликовании от своей эрекции. <...> Прошло десять минут. «Приди в себя, чего ты радуешься, все это очень серьезно», – говорил он себе»*), после чего старается корректировать свое поведение, преодолевая тем самым тьму, таящуюся в нем, одерживая над ней победу, на что указывает одна из заключительных сцен рассказа: *«Белизна ее запрокинутого горла почему-то навела яркую картинку из детства: укрытое ослепительным снегом белое поле, которое он, восьмилетний мальчик, не дерзнет осквернить следами»* [7, с. 50–51]. Под снежным полем, которое выступает некой аллегорией, здесь подразумевается невинность и чистота спящей Миранды.

Рассказы Макьюэна обнаруживают сходство с готическими текстами на разных уровнях поэтики, включая категории пространства и времени. Как известно, в готическом произведении часто происходит смешение временных пластов. Также и в рассказах сборника «Меж сбитых простыней» нередко нарушается последовательность повествования, а категория времени моделируется включением воспоминаний героев, вставных конструкций, рукописей, писем. Рассказы второго сборника сохраняют и хронологическую нелинейность, хаотичность, изломанность.

Художественному пространству как категории в рассказах сборника «Меж сбитых простыней» свойственны те же приемы и особенности, которые характеризуют данную категорию и в первом сборнике (деление пространства на реальное и «иное», постоянное движение в замкнутое пространство из открытого, сосредоточение действия, событий в замкнутое пространство и другое), при этом обнаруживается и ряд новых особенностей.

Так, в рассказах второго сборника мы наблюдаем, как с помощью динамичной сменяемости, динамичного чередования пространственных координат реализуется (внутри самих произведений и на протяжении сборника в целом) постепенное увеличение пространства, его

расширение: тексты насыщены частой сменой локаций (герои перемещаются по улицам и городам, образуя своим передвижением некий пространственный лабиринт). Даже в таких рассказах, как «Кончить разом и умереть» и «Раздумья обезьяны-альфонса», где пространство предельно сжато и замкнуто, ограничено комнатами дома, в которых происходит действие, его (пространства) границы все равно стремятся к расширению. В первом рассказе это происходит за счет уходов рассказчика из дома («Часто приходилось уезжать, порой за сотни миль от дома» [7, с. 40]), анализа происходящих событий «пространственным» языком, фиксации внимания на разных изменениях в убранстве дома («...не так была застелена кровать, иначе пахло в ванной, на подносе был чуть сдвинут графин с виски. Хелен делала вид, что не замечает моего тоскливого рысканья по комнатам» [7, с. 40]). В рассказе «Раздумья обезьяны-альфонса» пространство удваивается использованием мотива сна, а точнее, ночных кошмаров, мучающих главную героиню, проникновением ситуаций, персонажей и положений из написанного Салли романа в ее реальную жизнь, а цитирование отрывков этого романа рассказчиком привносит в пространство дома вселяющие тревогу образы кладбища и гроба.

Отдельно стоит отметить рассказ «Туда-сюда», в котором описания замкнутых до предела пространств – офиса, где работают герои, с комнатой и примыкающим к ней коридором и дома – параллельно сменяют друг друга. Причем, каждый раз переходя к пространству дома, мы обнаруживаем расширение этого пространства чуть ли не до космических масштабов, что напоминает использование Г. Ф. Лавкрафтом в своих произведениях образов небывалого охвата: «Слышно ее сонное дыхание. <...> Звери вышли на ночную охоту, с нижней ветви старого скрипучего дерева <...> сладкий запах дома... <...> Помнишь лесок, где голые сучья шишковатых коренастых деревьев сплелись в полог? <...> Ох... крохотный терпеливый героизм бессонницы, арктическая дыра больше самих ледяных просторов, она так велика, что бесформенна и неохватна глазом» [7, с. 52].

Таким образом, категория художественного пространства во втором сборнике Макьюэна по-прежнему таит в себе угрозу для героев, по-новому доведена до пределов, утрирована и наделена реально-ирреальными чертами.

Наконец, среди «готических» признаков произведений сборника «Меж сбитых простыней» следует назвать зловещий фон повествования. Автор использует такие приемы, нагнетающие чувство тревоги, как изображение кошмарного сна, вторжение текста рукописи в реальность (Салли Кли разговаривает с главной героиней своего романа), введение абстрактных образов (например, «древнее туда-сюда»), характеристики состояния героя (маркеры гнева, раздражительности, злости, враждебности), использование мотива абсолютной, навязчивой или зловещей тишины («я вышел на середину комнаты и напоследок оглядел погруженную в полумрак и шипящую тишину комнату...», «Наверное, меня разбудила тишина, заполнившая дом» – «Раздумья обезьяны-альфонса» [7, с. 20–21]; «Тишина, а потом снова: «Медведь!» – теперь уже глуше, разочарованнее... без вскрика тишина кажется гуще... но вот понемногу стала привычной... никаких ожиданий... гнет тишины... в угасающем оранжевом мареве медведи» – «Туда-сюда» [7, с. 53]), мотива темноты и мотива смерти («Решение не оглядываться изменило мне у дверей. Обернувшись, я взгляделся в темноту, но ничего не увидел» – «Раздумья обезьяны-альфонса» [7, с. 20]; «Сейчас было тихо, в ушах шипела тьма. <...> было страшно вылезать из постели. <...> навалилось тоскливое предчувствие смерти, страх умереть не когда-нибудь вообще, а сейчас, в три пятнадцать ночи» – «Меж сбитых простыней» [7, с. 50]; «Тьма расцветает голубоватой серостью» – «Туда-сюда» [7, с. 55]).

Отметим, что достаточно часто в рассказах второго сборника повторяется мотив сна или кошмара, который мучает героев. Так, кошмарам, заставляющим с криками просыпаться посреди ночи, и страху за жизнь (здесь мы сталкиваемся с использованием жанрового штампа, который тем не менее помогает нагнетать атмосферу, сгущает краски, то есть имеет определенную функциональность) подвергаются Соня и ее дочь («Туда-сюда»), Мойра Силито и Салли Кли («Раздумья обезьяны-альфонса»), Стивен Кук и его дочь Миранда («Меж сбитых простыней»).

Неоготическая поэтика сборника «Меж сбитых простыней» связана прежде всего с репрезентацией в нем постмодернистского представления о бытии (распад мира, разрушение и саморазрушение личности).

Реализованный в рассказах второго сборника Макьюэна мотив личностной дезинтеграции демонстрирует, как далеко способен зайти человек, который стал заложником своих пороков, желаний и страстей. Наиболее ярко этот мотив проявляется в рассказах «Порногра-

фия» и «Кончить разом и умереть». В первом из них главный герой заболевает венерической болезнью, у него появляется «гнилостный душок, исходящий от рук», а чтобы обратить «нестерпимый зуд» вокруг своих глаз в «терпимую боль», он с силой скребет себе веки и кожу вокруг глаз. Рассказчик второго произведения посредством душевных переживаний постепенно превращает себя в человека, который неизлечимо болен: *«Главное же в том, что как человек я распадался, разваливался на куски. Я засыпал у телефона. У меня стали выпадать волосы. Из рта, где образовались язвы, несло вонью разлагающегося трупа. Я заметил, что в разговоре со мной деловые партнеры делают шаг назад. В заднице вскочили жуткие фурункулы»* [7, с. 40].

Кроме того, нам неизвестны причины, приведшие мир из рассказа «Два фрагмента: март 199...» в постапокалиптическое состояние. Однако проблематика сборников говорит о том, что представленное И. Макьюэном будущее – это не что иное, как прямое авторское предостережение и еще одно следствие всестороннего личностного саморазрушения людей, утраты ими своей человечности, без которой описанная в «Психополисе» картина аборта, совершаемого женщиной в канаве, воспринимается как что-то реальное и даже вполне обыденное.

К числу неоготических черт рассказов Макьюэна следует отнести симбиоз готики, гротеска, фантастики, пародии. Подобно тому, как в первом сборнике герои обретают черты странных существ, в сборнике «Меж сбитых простыней» также появляются гротескные образы: *«Толстуха лет за пятьдесят в одних трусах и респираторе», «– Червяк... червяк... ты червячок... Я растопчу тебя, грязный червячок...»* (Люси обращается к Майклу) [7, с. 2, 9]; *«Сцепившись в борцовском захвате, они переступали боком, точно чудовищный краб»* (картина драки за воду) [7, с. 23]; *«По ней кулаком дубасил человек размером со здорового медведя. <...> Рыжие косматые волосы доходили ему почти до пояса. Густая клокастая поросль на голых руках напоминала шерсть. Даже глаза его были рыжие. <...> издавал громкий утробный рык»* [7, с. 25]; Стивен Кук называет подругу своей дочки карлицей, *«кому вся статья выступать в цирке или подавать чай в задранированном шелками борделе?»* [24, с. 48] и другое. Что же касается пародийности, которая в первом сборнике была тесно связана с последним рассказом и крылась в усилении театрального начала, то во втором сборнике ее сменяет некое фантастическое начало (Мойра Силито – главная героиня единственной книги Салли Кли, которая изводит ее, Салли, своими приходами к ней и спорами; женский манекен по имени Хелен, в который влюблен рассказчик, «словно поджаривает» его «на вертеле»).

Анализ сборника «Меж сбитых простыней» позволяет говорить о тех особенностях его поэтики, которые, с одной стороны, сближают его с дебютным сборником писателя, а с другой – свидетельствуют об углублении тенденции к изображению человека, отчужденного от мира традиционных ценностей. Так, во втором сборнике продолжает свое развитие тема взаимоотношений героев, при этом акцент смещается с отношений между взрослыми и детьми в сторону отношений между мужчиной и женщиной; в большей степени через раскрытие сексуальных девиаций, нежели через другие формы патологий (как это было в первом сборнике), получает свое развитие и тема глубоко патологичного социума, психических отклонений. Однако в сборнике «Меж сбитых простыней» заметное усложнение претерпевают характеры персонажей. С одной стороны, на такое усложнение указывает рост числа ненадежных рассказчиков (несмешной актер в «Психополисе», обезьяна-альфонс, Теренс, рассказчик, влюбившийся в манекен), а с другой – наличие героев, которые, будучи подвержены тьме, не становятся ее абсолютным воплощением.

Неоготические особенности рассказов И. Макьюэна (жестокое, безобразное, макабрическое, представленные в ходе эмоционально-бесстрастного авторского повествования; удвоение функций таких приемов, как пародия и гротеск) дают нам возможность говорить о том, что основу художественных картин автора составляет глубокий пессимизм, который в первую очередь связан с духовной и физической дезинтеграцией личности и, как следствие, абсолютным распадом и разрушением мира.

Список литературы

1. Безобразное. URL: <https://esthetiks.ru/bezobraznoe.html> (дата обращения: 21.09.2021).
2. Глушкова М. Н. Готика и неоготика в рассказе Йена Макьюэна «Стереометрия» // Мировая литература в контексте культуры. 2011. № 6. С. 171–176.
3. Доронина О. В. Малая проза в творчестве английских писателей второй половины XX века (Р. Тремейн, Г. Свифт, И. Макьюэн) : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Доронина; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2003. 152 с.

4. Кочергина А. В. Идеино-тематическое своеобразие малой прозы Йена Макьюэна // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7. Ч. 1. С. 100–103.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / глав. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М. : НПК «Интелвак», 2001. 799 с.
6. Локшина Ю. В. Традиции готического романа в творчестве Айрис Мердок и Джона Фаулза : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М., 2015. 161 с.
7. Макьюэн Й. Меж сбитых простыней : рассказы / пер. А. Сафронова. М. : Эксмо; СПб. : Домино, 2009. 72 с.
8. Пашков С. М. Языковые средства моделирования пространственно-временных характеристик неоготического романа: эмотивный аспект // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 7. № 1. С. 95–102.
9. Пушкина А. А. Готический роман и зарождение неоготического направления в культуре // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 2. № 2. С. 319–330.
10. Разумовская О. В. Понятие о готическом и неоготическом стиле в контексте истории литературы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2014. № 4. С. 48–53.
11. Скобелева Е. В. Традиция «готического» романа в английской литературе XIX и XX веков : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Москва, 2008. 16 с.
12. Хабибуллина Л. Ф. Психологическая травма в романах Й. Макьюэна («Суббота», «Чизил-Бич») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 308–318.
13. Baxter J. Surrealist Encounters in Ian McEwan's Early Work // Ian McEwan: Contemporary Critical Perspectives / ed. S. Groes. Bloomsbury : London; New York, 2013. P. 13–25.
14. Byrnes C. The Work of Ian McEwan: A Psychodynamic Approach. Nottingham : Paupers' Press, 2002. 318 p.
15. The Cambridge Companion to Ian McEwan / ed. D. Head. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. 230 p.
16. The Fiction of Ian McEwan. A Reader's Guide to Essential Criticism / ed. P. Childs. London : Macmillan, 2005. 180 p.
17. Malcolm D. Understanding Ian McEwan. Columbia : University of South Carolina Press, 2002. 216 p.
18. Moulder A. The Facts on File Companion to the British Short Story. New York : Facts on File, Inc., 2007. 545 p.
19. Reynolds M., Noakes J. Ian McEwan: The Essential Guide. London : Vintage, 2002. 224 p.
20. Summers-Bremner E. Ian McEwan. Sex, Death and History. New York : Cambria Press, 2014. 230 p.

The categories of the gothic and the neo-Gothic in Ian McEwan's short stories (on the material of the collection "In Between the Sheets")

O. Yu. Polyakov¹, V. A. Malykh²

¹Doctor of Philological Sciences, professor, professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University.

Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-9362-7720. ResearcherID: X-9101-2018. E-mail: usr09131@vyatsu.ru

²junior researcher of the Department of Russian Language, master student of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University.

Russia, Kirov. E-mail: stud142677@vyatsu.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the collection of short stories by the modern English writer Ian McEwan "Between the knocked down sheets", which is considered in the aspect of the implementation of stable Gothic and neo-Gothic genre-style features at different levels of poetics of works: in the plot-motive plan, the construction of texts, the figurative system of stories, their spatial and temporal organization.

The authors conclude that the constants of the Gothic canon, actualized in McEwan's stories, change in a functional aspect: in particular, terrible events are presented as emphatically feasible and mundane; the depiction of deviant manifestations of the psyche of the heroes contributes to an increased emphasis on the problems of modern society to the author; the conflict of good and evil ends with the triumph, although not unconditional, of the latter; the artistic space of the stories is fraught with a threat to the heroes and is endowed with real-unreal features; artistic time loses its linear character and becomes chaotic; the writer's irony acquires a philosophical sound, spreading to the ontological level of the collection's stories.

The authors of the article complement the modern characterization of the neo-Gothic, putting forward the thesis that it is based on the category of the ugly. While in Gothic texts the sublime is realized through the terrible, in the works of the Neo-Gothic, the category of the ugly is realized through the pathological, embodied, in particular, in the works of I. McEwan.

The neo-Gothic features of I. McEwan's stories (cruel, ugly, macabre, presented in the course of the author's emotionally dispassionate narration; the doubling of the functions of such techniques as parody and gro-

tesque) make it possible to say that the ideological basis of the collection "Between the Downed Sheets" is characterized by deep pessimism, which is primarily associated with the spiritual and physical disintegration of the individual and, as a consequence, the absolute disintegration and destruction of the world.

Keywords: I. McEwan, Gothic, neo-Gothic, artistic space and time, motif.

References

1. Bezobraznoe – Ugly. Available at: <https://esthetiks.ru/bezobraznoe.html> (date accessed: 09/21/2021).
2. Glushkova M. N. *Gotika i neogotika v rasskaze Jena Mak'yvena "Stereometriya"* [Gothic and neo-gothic in Ian McEwan's story "Stereometry"] // *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* – World Literature in the context of culture. 2011. No. 6. Pp. 171–176.
3. Doronina O. V. *Malaya proza v tvorchestve anglijskikh pisatelej vtoroj poloviny XX veka (R. Tremejn, G. Swift, I. Mak'yuen) : dis. ... kand. filol. nauk* [Small prose in the works of English writers of the second half of the twentieth century (R. Tremaine, G. Swift, I. McEwan) : dis. ... PhD in Philology] / O. V. Doronina; Lomonosov Moscow State University. M. 2003. 152 p.
4. Kochergina A. V. *Idejno-tematicheskoe svoeobrazie maloj prozy Jena Mak'yvena* [The ideological and thematic originality of Ian McEwan's short prose] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* – Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2015. No. 7. Part 1. Pp. 100–103.
5. *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij* – Literary Encyclopedia of terms and concepts / chief ed. and comp. A. N. Nikolyukin. M. NPK "Intelvak". 2001. 799 p.
6. Lokshina Yu. V. *Tradicii goticheskogo romana v tvorchestve Ajris Merdok i Dzhona Faulza : dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.03* [Traditions of the Gothic novel in the works of Iris Murdoch and John Fowles : dis. ... PhD in Philology: 10.01.03]. M. 2015. 161 p.
7. McEwan I. *Mezh sbityh prostynej : rasskazy* [Between the downed sheets : stories] / transl. A. Safronova. M. Eksmo; SPb. Domino. 2009. 72 p.
8. Pashkov S. M. *Yazykovye sredstva modelirovaniya prostranstvenno-vremennykh harakteristik neogoticheskogo romana: emotivnyj aspekt* [Linguistic means of modeling the space-time characteristics of the Neo-Gothic novel: emotive aspect] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* – Herald of the Leningrad State University n. a. A. S. Pushkin. 2014. Vol. 7. No. 1. Pp. 95–102.
9. Pushkina A. A. *Goticheskij roman i zarozhdenie neogoticheskogo napravleniya v kul'ture* [The gothic novel and the emergence of the neo-gothic trend in culture] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* – Herald of Leningrad State University n. a. A. S. Pushkin. 2015. Vol. 2. No. 2. Pp. 319–330.
10. Razumovskaya O. V. *Ponyatie o goticheskom i neogoticheskom stile v kontekste istorii literatury* [The concept of gothic and neo-gothic style in the context of literary history] // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* – Herald of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism. 2014. No. 4. Pp. 48–53.
11. Skobeleva E. V. *Tradiciya "goticheskogo" romana v anglijskoj literature XIX i XX vekov : avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.03* [The tradition of the "Gothic" novel in English literature of the XIX and XX centuries : abstract of the dis. ... PhD in Philology: 10.01.03]. M. 2008. 16 p.
12. Habibullina L. F. *Psihologicheskaya travma v romanah J. Mak'yvena ("Subbota", "Chizil-Bich")* [Psychological trauma in the novels of J. McEwan ("Saturday", "Chisil Beach")] // *Herald of Tomsk State University. Philology*. 2020. No. 65. Pp. 308–318.
13. Baxter J. *Surrealist Encounters in Ian McEwan's Early Work* // *Ian McEwan: Contemporary Critical Perspectives* / ed. S. Groes. Bloomsbury : London; New York, 2013. Pp. 13–25.
14. Byrnes C. *The Work of Ian McEwan: A Psychodynamic Approach*. Nottingham : Paupers' Press, 2002. 318 p.
15. *The Cambridge Companion to Ian McEwan* / ed. D. Head. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. 230 p.
16. *The Fiction of Ian McEwan. A Reader's Guide to Essential Criticism* / ed. P. Childs. London : Macmillan, 2005. 180 p.
17. Malcolm D. *Understanding Ian McEwan*. Columbia : University of South Carolina Press, 2002. 216 p.
18. Moulder A. *The Facts on File Companion to the British Short Story*. New York : Facts on File, Inc., 2007. 545 p.
19. Reynolds M., Noakes J. *Ian McEwan: The Essential Guide*. London : Vintage, 2002. 224 p.
20. Summers-Bremner E. *Ian McEwan. Sex, Death and History*. New York : Cambria Press, 2014. 230 p.